

Святогор

- На тых горах високих,
На той на святой горы,
Был богатырь чудный,
Что ль во весь же мир он дивный,
Во весь же мир был дивный,
Не ездил он на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.
Хотел узнать казак наш, Илья Муромец,
Славного Святогора нунь богатыря.
10. Отправляется казак наш, Илья Муромец,
К тому же Святогору тут богатырю
На тьи было горы на высокие.
Приезжает тут казак, да Илья Муромец,
На тьи было горушки высокие
К тому же Святогору да богатырю.
Приезжает-то к ему да поблизёхонько,
А й поклон ведет да понизёхонько:
«Здравствуешь богатырище порный,*)
Порный богатырь ты да дивный».
20. «Ты откуда, добрый молодец,
Как тя нарекают по отечеству?»
«Я есть с города нунь Муромля,
А села да Карачаева,
Я старый казак, да Илья Муромец.
Захотел я посмотреть Святогора нунь богатыря:

189

- Он не ездит нунь на матушку сыру землю,
К нам богатырям да он не явится».
Отвечает богатырь было порный:
«Я бы ездил тут на матушку сыру землю,
30. Не носит меня мать сыра земля,
Мне не придано тут ездить на святую Русь!
Мне позволено тут ездить по горам да по высоким,
Да по щелейкам по толстым,
А ты, старый казак, да Илья Муромец,
Мы съездим же-ко нунечу по щелейкам,
А поездим-ко со мной да по святым горам».
Ездили оны было по щелейкам,
Разъезжали тут оны да по святым горам,
Ездили оны по многу времени,
40. Ездили оны да забавлялися.

---

*) К р е п к и й .

- Находили тут оны да чудо чудноё,
 Находили тут оны да диво дивное,
 Находили площаницу*) да огромную:
 Говорит богатырь Ильи Муромцу:
 «Ах ты, старьи казак, да Илья Муромец!
 Ты ложись-ка в площанину да в огромную:
 Поглядим-ка площаницы мы огромною,
 Что она тебе поладится ль?»
 Спускается казак, да Илья Муромец,
50. Опускался тут казак да из добра коня,
 А ложился было в гроб в этот огромныи:
 А этот гроб-то Ильи Муромцу да долог есть.
 Опускается богатырь святогорскийи,
 А с того было с добра коня,
 А ложился в площаницу он во дивную:
 Та же площаница да по нем пришла,
 Сам же с площаницы тут не выстанет.
 «Ах ты, старый казак, да Илья Муромец!
 Ты повыздынь с площаницы да огромныи».
60. Приставае тут казак да Илья Муромец
 К Святогору да богатырю:
 Да не мог поднять он Святогора тут богатыря,
 А с того гроба́ глубокого.
 Говорит же тут богатырь святогорскийи:
 «Ты сломай-ко эти щелья да высокийи,
 А повыздынь-ко с гроба́ меня глубокого».

190

- Старьи казак, да Илья Муромец,
 Как ударил своей палицей
 Да по щелейки по толстыи,
70. А по той горы да по высокийи —
 Ставился тут обруч да железныйи
 Через тот да гроб еще великийи,
 Через ту площаницу было дивную.
 Бьет тут Илья Муромец дру́гой раз —
 Что ударит, тут же обруч было ставится.
 Отвечает тут богатырь Святогорскийи:
 «Видно тут же есть богатыри да кончается!
 Ах ты, старьи казак, да Илья Муромец,
 А ты съезди-тко да к моему было родителю,
80. К древному да батюшку,
 К древному да темному,

---

*) П л о щ а н и ц а – г р о б .

Ты проси-ка у моего родителя у батюшка,
Мне-ка вечного прощеньица».

Отправляется казак, да Илья Муромец,
От того же Святогора прочь богатыря
На ту гору на Палавонскую,
А к тому же старичку да было древному,
Хоть бы древному да темному.

Приезжае Илья Муромец

90. На ту на гору Палавонскую

К древному да к темному:

«Здравствуешь, престарый да дедушка,
Древный ты темный!

Я привез тебе поклон да челом-битыицо,

От твоего сына любимого,

От того же Святогора я богатыря:

Просит он прощеньица да вечного.

Как лег же во плещаницу он в огромную,

Да во тот было во гроб во каменной,

100. Я оттуль не мог его повыздынуть».

Рассердился тут старик да было темный,

Темный старик да было древний:

«Знать убил же Святогора ты богатыря —

Приезжаешь нунь ко мне-ка-ва со ведома,

Ты привозишь мне-ка весточку нерадостну».

Как хватит тут же палицу да богатырскую,

Да помахне во богатыря —

А й богатырь тут увернется,

Да старик тут образумится.

191

110. Дал ему да вечное прощеньицо,

Святогору да богатырю,

Да и сыну да любезному.

Приезжает тут казак да Илья Муромец

К Святогору да богатырю.

Он привозит тут прощенье ему вечное,

С им же он да тут прощается,

Святогор же тут же он кончается.

192

Михайло Потык

- Ай старый казак он Илья Муромец,
А говорит Ильюша таково слово:
«Да ай же, мои братица крёстовыи,
Крёстовые-то братица названьи,
А молодой Михаила По́тык сын Иванович,
Молодой Добрьгаюшка Микитинич!
А едь-ко ты, Добрыня, за синё морё,
Кори-тко ты языки там неверныи,
Прибавляй земельки святорусскии.
10. А ты-то едь еще, Михайлушка,
Ко тыи ко корбы́ ко темныи,
Ко тыи ко грязи́ ко черныи,
Кори ты там языки все неверныи,
Прибавляй земельки святорусскии.
А я-то видь, старик, да постарше вас,
(Поеду я во далёчо еще во чисто́ поле,
Корить-то я языки там неверныи,
Стану прибавлять земельки святорусскии».
Как тут-то молодцы да порозъехались.
20. Добрынюшка уехал за синё морё,
Михайла ён уехал ко корбы́ ко темныи,
А ко тыи ко грязи́ ко черныи,
К царю он к Вахрамею к Вахрамееву.
Ильюшенька уехал во чисто́ поле,
Корить-то там языки всё неверныи,
А прибавлять земельки святорусскии.

193

- Приехал тут Михайло сын Иванов-он
А на тоё на далёчо на чисто́ полё,
Роздёрнул тут Михайлушка свой бел шатёр.
30. А бел шатёр еще белополо́тняной.
Тут-то он, Михайлушка, роздумался:
«Не-честь-то мне, хвала молодецкая,
Ехать молодцу мне-ка томному,
А томному молодцу мне голодному,
А лучше молодец я поем, попью».
Как тут-то ведь Михайла сын Иванович
Поел, попил Михайлушка, покушал он,
Сам он, молодец, тут да спать-то лёг.
Как у того царя Вахрамея Вахрамеева
40. А была-жила там да любезна дочь,

- А тая эта Марья лебедь белая.
 Взимала она трубоньку подзорную,
 Выходит что на выходы высокие,
 А смотрит как во трубоньку подзорную
 Во далечо она во чисто полё;
 Углядела, усмотрела во чистом поли:
 Стоит-то там шатёр белополотняный,
 Стоит там шатёр еще смахнется,
 Стоит шатёр там еще розмахнется,
 50. Стоит шатёр еще ведь уж сойдется,
 Стоит шатёр там еще розойдется.
 Как смотрит эта Марья, лебедь белая,
 А смотрит что она, еще думу думает;
 «А это есте зде да русьский богатырь же».
 Как бросила тут трубоньку подзорную,
 Приходит тут ко родному ко батюшку:
 «Да ай же ты, да мой родной батюшко,
 А царь ты, Вахрамей Вахрамеевич!
 А дал ты мне прощенья благословеньица
 60. Летать-то мне по тихиим заводям,
 А по тым по зеленыим по затресьям,
 А белой лебедью три году.
 А там я налеталась, нагулялася,
 Еще ведь я наволеваласе
 По тым по тихиим по заводям,
 А по тым по зелёныим по затресьям.
 А нунчу ведь ты да позволь-ко мне
 А друто ты еще мне-ка три году
 Ходить, гулять-то во далечем мне во чистом поли,
70. А красной мне еще гулять, девушкой».
 Как он опять на то ей ответ держит:
 Да ах же ты, да Марья лебедь белая,
 А й же ты, да дочка-та царская мудрёная!
 Когда плавала по тихиим по заводям,
 По тым по зеленыим по затресьям,
 А белой ты лебедушкой три году,
 Ходи же ты гуляй красной девушкой
 А друго-то еще три да три году,
 А тожно тут я тебя замуж отдам».
80. Как тут она еще поворотиласе,
 Батюшку она да поклониласе.
 Как батюшка да дает ей нянёк-мамок тых,
 Ах тых ли этих верных служаночек.

- Как тут она пошла красна девушка,
Во далечо она во чисто́ полё.
Скорым-скоро́, скоро да скорёшенько,
Не могут за́ ней там гнаться няньки ты,
Не могут за́ ней гнаться служаночки.
Как смотрит тут она, красна девушка,
90. А няньки эти все да оставаются,
Как говорит она тут да таково слово:
«Да ай же вы, мои ли вы, нянюшки!
А назад топерь воротитесь-ко,
Не нагоняться вам со мной красной девушкой».
Как нянюшки ведь ёй поклонилися,
Назад оны обратно воротилися.
Как этая тут Марья лебедь белая,
Выходит тут она ко белу́ шатру.
Как у того шатра белополо́тняна
100. Стоит-то тут, увидал ю добрый конь,
Как начал ржать да еще копьём-то мять
Во матушку-ту во сыру землю,
А стала мать земелюшка подрагивать.
Как ото сну богатырь пробуждается,
На улицу он сам пометається —
Выскакал он в тонких белых чулочиках без чоботов,
В тонкие белые рубашки без пояса.
Смотрит тут Михайло на вси стороны,
А некого он не нагядел тут был.
110. Как говорит коню таково слово:
«Да ай ты, волчья сыть, травяной мешок!
А что же ржешь ты да копьём-то мнешь

195

- А во тую во матушку сыру землю,
Тревожишь ты русийского богатыря?»
Как взглянет на дру́гую шатра еще дру́гу сторону,
Ажно там-то ведь стоит красна девушка.
Как тут-то он, Михайлушка, подскакивал,
А хочет целовать — милова́ть-то ю,
Как тут ёна ёму вопроговорит:
120. «А й же ты, уда́лой добрый мо́лодец!
Не знаю я тебе да ни имени,
Не знаю я тебе ни изотчины.
А царь ли ты есте, ли царевич был,
Король ли ты да королевич есть?
Столько́ знаю: да ты русской-то богатырь здесь.
А не целуй меня красной девушки:

- А у меня уста были поганыи,
А есть-то ведь уж веры я не вашии,
Не вашей-то ведь веры есть, поганая.
130. А лучше-то возьми ты меня к себе еще,
Ты возьми, сади на добра́ коня,
А ты вези меня да во Киев-град,
А проведи во веру во крещеную,
А тожно ты возьми-тко меня за себя́ заму́ж».
Как тут-то ведь Михайла сын Иванов был,
Садил он-то к себе на добра́ коня,
Повез-то ведь уж ю тут во Киев-град.
А привозил Михайлушка во Киев-град,
А проводил во веру во крещеную,
140. А приняли оны тут златы венцы,
Как клали оны заповедь великую:
Который-то у их да наперёд умрет,
Тому итти во матушку сыру землю на три́ году
Со тым со телом со мертвыим.
Ино оны ведь стали жить-то быть,
Жить-то быть, да семью сводить,
Как стали-то они детей на́живать.
Да тут затым князь тот стольнё-киевской
Как сделал он, задернул свой почестный пир
150. Для князей, бояр да для киевских,
А для русийских всех могучих бога́тырѣв;
Как вси-то о́ны на пир собираются,
А вси тут на пиру наедаются,
А вси тут на пиру напиваются.
Стали все оны там пьянёшеньки,

196

- А стали все оны веселёшеньки.
Стадо красно солнышко привечери,
Да почестной пир, братцы, привесели.
Как тут-то ведь не ясныи соколы
160. Во чистом поли еще разлеталися,
Там русийские могучие бога́тыри
В одно место съезжалися,
А на тот-то, на тот на почестной пир.
Ильюшенка приехал из чиста́ поля,
Хвастает Ильюшенка, спроговорит:
«А был-то я еще во чистом поли,
Корил-то я язы́ки все неверныи,
А прибавлял земельки святорусскии».
Как хвастает-то тут Добрынюшка:

170. «А был-то я за славным за сини́м морем,
Корил там я язы́ки все неверныи,
А прибавлял земельки святорусскийи».
Как ино что Михайлушки да чим буде повыхвастать.
Сидит-то тут Михайла думу думает:
«Как я, у меня нуньчу у молодца
Получена стольки́ есть молода жена.
Безумной-от как хвастат молодой женой,
А умной-от как хвастат старой матушкой».
Как тут то-он Михайлушка повыдумал:
180. «Как был-то я у корбы у темныи,
А у тыи́ у грязи я у черныи,
А у того царя я, Вахрамея Вахрамеева,
Корил-то я язы́кушки неверныи,
Прибавлял земельки святорусскийи.
Еще-то я с царём там во дру́тиих
Играл-то я во доски там во шахматныи,
А в до́роги та́влеи золоченыи;
Как я с его еще там повыиграл
Бессчётной-то еще-то золотой казны
190. А сорок-то телег я ордынских.
Повёз-то я казну да во Киев-град.
Как отвозил я ю на чисто́ полё,
Как оси ты́ тележный железны подломилисе:
Копал-то тут я погребы глубокии,
Спустил казну во по́ребы глубокии».
На ту пору еще на то времячко
Из Киева тут дань поспросиласе
К царю тут к Вахрамею к Вахрамееву —

197

- За двенадцать лет, за прошлыи годы что за нунешний.
200. Как князи тут-то киевски, вси бо́яра,
А тот ли этот князь стольнё-киевской
Как говорит-промолвит таково слово:
«Да ай же вы, бояра вы мои все киевски,
Русийски всё могучии бога́тыри!
Когда нунь у Михайлушка казна еще
Повыиграна с царя Вахрамея Вахрамеева,
Да нунечку еще да топеречку
Из Киева нунь дань поспросиласе
Царю тут Вахрамею Вахрамееву,
210. Пошлём-то мы ёго да туды-ка-ва
Отдать назад бесчётна золота казна,
А за двенадцать лет, за прошлыи годы что за нунешний».

- Накинули тут службу великую
 А на того Михайлу на По́тыка
 Все князи тут бояра киевски,
 Все русийскии могучии бога́тыри.
 Как тут-то ведь Михайла отряжается,
 Как тут-то он Михайла снаряжается,
 Опять назад ко корбы ко темныи,
 220. А ко тыи ко грязи ко черныи,
 К царю ён к Вахрамею Вахрамееву —
 А ехал он туды да три месяца.
 Как приезжал он тут во царство-то
 К царю ён к Вахрамею Вахрамееву,
 А заезжал на ёго да на ши́рок двор,
 А становил он добра́ коня ведь середь широка́ двора,
 Ко тому столбу ко тоценому,
 А привязал к кольцу к золоценому,
 Насыпа́л он коню пшены белояровой.
230. Сам он шел ведь тут по новы́м сеням,
 А заходил в полату во царскую
 К царю ён к Вахрамею Вахрамееву.
 Как скоро он Михайлу́шка доклад держал.
 Клонится Михайла на вси стороны,
 А клонится на четыре сторонушки,
 Царю да Вахрамею в особину:
 «Здравствуй царь ты, Вахрамей Вахрамеевич!»
 «Ах здравствуй-ко, уда́лый добрый молодец!
 Не знаю я тебе да ни имени,
 240. Не знаю я тебе ни изотчины:
 А царь ли ты ведь есть, ли царевич zde,

- Ли король, ли ты королевич есть,
 Али с тиха До́ну ты донской казак,
 Аль грозной есть посол Ляховитский,
 Аль старый казак ты Илья Муромец?»
 Как говорит Михайла таково слово:
 «Не царь-то ведь уж я, не царевич есть,
 А не король-то я, не королевич есть,
 Не из тиха́ Дону́ не донской казак,
 250. Не грозный я посол Ляховитский был,
 Не старый я казак Илья Муромец.
 А есть-то я из города из Киева -
 Молодой Михайла По́тык сын Иванович».
 «Зачем же ты, Михайла, заезжал сюда?»

- «Зашел-то я сюда, заезжал к тебе,
 А царь ты, Вахрамей Вахрамеевич,
 А я слышал: скажут ты охвоч играть
 Да в доски-ты шахматны,
 А в дóроги тавлеи золоченыи —
260. А я-то ведь еще уж также бы.
 Поиграем-ко во доски мы шахматны,
 В дóроги тавлеи золоченыи.
 Да ах же ты царь, Вахрамей Вахрамеевич!
 Насыпь-ко ты да бессчётной золотой казны
 А сорок-то телег да ордынских».
- Как ино тут Михайлушко спроговóрит:
 «Ах ты, царь же Вахрамей Вахрамеевич!
 А бью я о головки молодецкии,
 Как я тебе буду служить да слугою верною
270. А сорок-то годов тебе с годичком,
 За сорок-то телег за ордынских».
- Как этот-то царь Вахрамей Вахрамеев был
 Охвоч играть во доски-ты шахматны,
 А в дóроги тавлеи золоченыи,
 Всякого-то ведь он да по́играл.
 Как тут-то себе да ведь думает:
 А наб мне молодца да повыиграть.
 Как тут они наставили дощечку ту шахматну,
 Начали оны по дощечки ходить-гулять.
280. А тут Михайлушка ступень ступил — не дóступил,
 А дру́гой как ступил, сам приза́ступил,
 А третий что ступил, его по́играл,
 А выиграл бессчётну золоту казну,
 А сорок-то телег тых ордынских.

199

- Говорит-промолвит таково слово:
 «Да ах ты царь, Вахрамей Вахрамеевич!
 Топеречку еще было нунечку
 Дань из города из Киева спросиласи.
 Тебе-то ведь нунь она назад пойдет,
290. Как эта бессчётна золота казна,
 А за двенадцать год, за прошлыми что годы что за
нунешний,
 Назад-то ведь тут дань поворотиласе».
- Как тут-то ведь царю да Вахрамею Вахрамееву
 А стало зарко есть, раззадорило,
 Стало жаль бессчётной золотой казны,
 Как говорит Михайлы таково слово:

- «А молодой Михайло По́тык сын Иванович!
А поиграю еще со мной ты другой-от раз.
Насыплю я бесщётной золотой казны
300. А сорок я телег да ордынских,
А ты-то мне служить да слугой будь верною
А сорок-то годов еще с годичком».
Как бьет опять Михайлушка о своей головке молодецкии,
Наставили ту́т доску ту шахматну,
Как начали оны тут ходить-гулять
По тыи дощечки по шахматнѣй.
Как тут Михайлушка ступень ступил — не до́ступил,
А дру́гой-то ступил, сам приза́ступил,
А третий-то ступил, ёго й по́играл:
310. Как выиграл бесщётной золотой казны
Сорок-то телег да ордынских.
Как тут-то ведь царь Вахрамей Вахрамеевич
Воспроговорит ён опять таково слово:
«Молодой Михайла По́тык сын Иванович!
Сыграем-ко мы еще остатний раз
Во тыи во дощечки во шахматны,
Как я-то ведь уж царь Вахрамей Вахрамеевич
А бью с тобой, Михайло сын Иванович,
А о тоём, о том велик залог:
320. А буду я платить дань во Киев-град,
А за тыих двенадцать лет, за прошлыи что годы что
нунешний,
А сорок я телег да ордынских,
А ты бей-ко о головки молодецкии:
Служить-то мне слугою да верною,
А будь ты мне служить да до смерти-то».

200

- Как тут-то он Михайлушка
А бьет-то он о головки молодецкии:
Служить-то царю до смерти-то.
Остатний раз наставили дощечку тут шахматну.
330. А й тут Михайлушка ступень ступил — не до́ступил,
А дру́гой-то ступил, сам приза́ступил,
А третий как ступил, ёго и по́играл:
Выиграл бесщётну золоту казну,
А дань платить во Киев-град великую
На ту пору было, на то времечко,
А налетал тут голубь на окошечко,
Садился-то голубь со голубкою,
Начал по окошечку похаживать,

- А начал он затым выговаривать
340. А тым, а тым языком человеческим:
«Молодой Михайла По́тык сын Иванович!
Ты играешь, молодец, да проклаждаешься,
А над собой невзгодушки не ведаешь:
Твоя-то есть ведь молода жена,
А тая-та ведь Марья лебедь белая, преставилась».
Вскочил тут как Михайла на резвы́ ноги,
Хватил он эту доску о кирпичный мост,
Как бросил эту доску тут шахматну
А во полаты тут да во царские:
350. А терема вси тут пошаталисе,
Хрустальнии оконницы посыпались,
Да князи тут бояра вси мертвы́ лежат,
А царь тот Вахрамей Вахрамеевич
А ходит-то ведь он раскоракою,
Как сам он говорит таково слово:
«Ах, молодой Михайло По́тык сын Иванович!
Оставь ты мне бояр хоть на си́мена,
Не стукай-ко доской ты во кирпичной мост».
Как говорит Михайло таково слово:
360. «Ах же ты да царь, Вахрамей Вахрамеев был!
А скоро же ты вези-тко бессчётну золоту казну
Во стольнёй-то город да во Киев-град».
Как скоро сам бежал на широкий двор,
Как ино ведь седдает он своего добра́ коня,
Седлат, сам выговариват:
«Да ах же ты, мой-то ведь уж добрый конь!
А нёс-то ты сюды меня три месяца,
Неси-тко нунь домой меня во три́ часу».

201

- Приправливал Михайлушка добра́ коня.
370. Пошел ён, поскакал ёго добрый конь
Реки ты озёра перескакивать,
А тёмный-от ведь лес промеж ног пустил,
Пришел он, прискакал да во Киев-град,
Пришел он, прискакал ведь уж в три часу.
Росседывал коня тут розуздывал,
А насыпал пшены белояровой,
А скоро сам бежал он на выходы высокие,
Закричал Михайло во всю голову:
«Да ай же, мои братыца крёстовыи,
380. Крёстовыи вы братыца названыи,
А й старый казак ты Илья Муромец,

- А молодой Добрынюшка Микитинич!
А подьте-тко вы к брату крестовому
А на тую на думушку великую».
Как тут-то ведь уж братица справлялися,
Тут-то они уда́лы снаряжалися,
Приходят они к брату крёстовому,
К мо́лоду Михайлы да По́тыку:
«А й же, брат крёстовый, наш названный!
390. А ты чего кричишь, нас тревожишь ты,
Русийских могучих нас бога́тырёв?»
Как он на то ведь им ответ держит:
«Да ай же, мои братица крёстовыи,
Крёстовыи вы братица названыи!
Стройте вы колоду белодубову,
Итти-то мне во матушку во сыру́ землю
А со тым со телом со мёртвым,
Итти-то мне туды да на три́ году,
Чтобы можно класть-то хлеба, соли, воды да туды-ка-ва,
400. Чтобы было там мни на три́ году запасу-то».
Как этии тут братица крестовыи
Скоры́-скоро́, скоро́ да скорешенько
Как строили колоду белодубову;
Как тот этот Михайла сын Иванов был,
Как скоро сам бежал он во кузницу,
Сковал там он тро́и ты кле́ща ты,
А трои прутья еще да железныи,
А трои еще прутья оловянныи,
А третьи напослед еще медныи.
410. Как заходил в колоду белодубову
А со тым со телом со мертвым,
- Как братица крестовы тут названыи,
Да на́били оны обручи железныи
На тую колоду белодубову.
А это тут ведь дело да деется
А во тую в субботу в христовскую;
Как тут эти старьи казак да Илья Муромец,
Молодой Дрбрынюшка Микитинич —
А братья что крёсто́вый названыи —
420. Копали погреб тут оны глубокии,
Спустили их во матушку во сыру́ землю,
Закрыли-то их в желты́ пески.
Как там была змея подземельная,
Ходила там змея по подзе́мелью,

- Приходит к той колоды белодубовой:
Как раз она змея тут да дёрнула,
А обручи на колоды тут лопнули.
Другой-от раз еще она й дернула,
А ряд-то ёна тёсу ту сдёрнула
430. А со тьи колоды белодубовой.
Как тут-то ведь Михайлы не дойдет сидеть.
А скоро как скочил он тут на́ ноги,
Хватил-то он тут клéщи железныи.
Как этая змея тут подземельная
Трéтий еще раз она дёрнула:
Остатний-то ряд она сдёрнула.
Как тут Михайла с женой споказалися.
Да тут тая змея зрадовалася:
«А буду-то я нунчу сытая,
440. Сытая змея не голодная:
Одно есть тело да мёртвое,
Дру́га жива головка человеческа».
Как скоро тут Михайло сын Иванович
Захватил змею во клéщи-ты,
Хватил он тут-то прутья железныи,
А почáл бить погану водноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайла По́тык сын Иванович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня:
450. А принесу я ти живу́ воду́ да в три́ году».
Как бьет-то змею водноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайла По́тык сын Иванович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня:

203

- А принесу я-то живу́ воду́ да в два году».
«Да нет, мне, окаянна, все так долго ждать».
Как бьет-то он змею водноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайла По́тык сын Иванович!
460. Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня:
Принесу-то я живу́ воду́ в один-то год».
А росхлестал он прутья-то железныи,
О тую змею о проклятую,
Хватил он тут-то прутья оловянныи,
А бьет-то он змею водноконечную.
Как молится змея тут, поклоняётся;
«Молодой Михайла По́тык сын Иванович!

- Не бей-ко ты змеи, не кровавь мѣня:
Принесу тебе живу́ воду́ я в полгода».
470. «А нет, мне, окаянна, все так долго ждать».
А бьет-то он змею водноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайла По́тык сын Ива́нович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня:
А принесу живу́ воду́ в три месяца».
«А нет-то, мне, поганая, все долго ждать.
А бьет-то он змею водноконечную.
Как молится змея тут поклоняется:
«Молодой Михайла Потык сын Иванович!
380. Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня:
А принесу живу́ воду́ в два месяца».
«А нет-то мне, поганая, все долго ждать».
А бьет-то он змею водноконечную.
А росхлыстал он прутья оловянный,
Хватил-то он прутья да медныи,
А бьет-то он змею водноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайла По́тык сын Иванович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня:
490. А принесу я ту живу́ воду́ в месяц-то».
«А нет, мне, окаянная, все так долго ждать».
А бьет-то он змею водноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется;
«Молодой Михайла По́тык сын Иванович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня:
А принесу я ти живу́ воду́ в неделю-то».
«А нет, мне, окаянная, все так долго ждать».

204

- А бьет он змею водноконечную.
Молится змея тут, поклоняется:
500. «Молодой Михайла По́тык сын Иванович!
Принесу я ти живу́ воду́ в три-то́ дни».
«А нет, мне, окаянна, все так долго ждать».
А бьет-то он змею водноконечную.
Молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайла По́тык сын Иванович!
Принесу я ти живу́ воду́ в два-то дня».
«А нет, мне, окаянная, все так долго ждать».
А бьет-то он змею водноконечную.
Молится змея тут, поклоняется,
510. А говорит змея да таково слово:

- «А принесу живу́ воду́ в один-то день».
 «А нет, мне, окаянна, все так долго ждать».
 Как бьет-то он змею водноконечную.
 А молится змея тут поклоняется:
 «Молодой Михайла По́тык сын Иванович!
 Не бей больше змеи, не кровавь меня:
 Принесу я ти живу́ воду́ в три часу».
 Как отпускал Михайло сын Иванов был
 Как эту змею он поганую,
 520. Как взял в заклад к себе змеёнышов,
 Не спустил их со змеёй со пога́ною.
 Полетела та змея по подзе́мелью,
 Принесла она живу́ воду́ в три часу.
 Как скоро тут Михайла сын Иванов был,
 Взял он тут да ведь змеёныша,
 Ступил-то о́н змеёнышу на ногу,
 А как роздернул-то змеёныша надвое,
 Приклял-то ведь по-старому в одно место,
 Помазал-то живой водой змеёныша,
 530. Как сросся-то змеёныш, стал по-старому;
 А в дру́гих помазал — шевелился он,
 А в третьи́х-то сбрызнул — побежа́л-то как.
 Ка́к говорит Михайла таково слово:
 «А й же ты, змея да поганая!
 Клади же ты да заповедь великую:
 Чтобы ти не ходить по подзе́мелью,
 А не съедать-то бы тел ти ме́ртвых».
 Как клала она заповедь поганая великую —
 А не ходить больше по подземелью,
 540. А не съедать бы тел да ведь ме́ртвых —
- Спустил-то он поганую, не ранил ли.
 Как скоро тут Михайло сын Иванов был
 Сбрызну́л эту Марью лебедь белую
 Живой водой да ю да ведь эту,
 Как тут она еще да ведь вздрогнула,
 Как дру́гой раз сбрызну́л – она сидя села-то,
 А в третьи́х-то он сбрызну́л – она повыстала.
 А дал воды́-то в рот, она заговорила-то:
 «Ах, мо́лодой Михайло По́тык сын Иванович!
 550. А долго-то я нунечку спа́ла-то».
 «Кабы не я, так ты ведь век бы спа́ла-то,
 А ты ведь, да Марья лебедь белая».
 Как тут-то ведь Михайлушка роздумался,

- Как бы им повытти со сырой земли.
Как думал-то Михайлушка, удумал он:
А закрычал Михайла во всю голову.
Как этоё дело-то ведь деется,
Выходит, что народ тут от заутренки христовский
На тую на буевку, да на ту сыру землю.
560. Как ино ведь народ еще приуслу́хались:
А что это за чудо, за диво есть –
Мертвыи в земле закрычали вси.
Как этии тут братьица крестовыи –
Старый казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Микитинич –
В одно место оны сходилися,
Сами тут оны ведь уж думу думают:
«А видно наш есть братец был крестовыи –
А стало душно-то ёму во матушки сырой земли,
570. А со тым со телом со мёртвыим,
А ён кричит ведь там громким голосом».
Как скоро взимали лопаты железныи,
Бежали тут оны да на яму ту,
Разрыли как оны тут желты пески,
Ажно там оны да обы́ живы.
Как тут выходил Михайла из матушки сырой земли,
Скоро он тут с братцами христоскался.
Как начал тут Михайлушка жить да быть.
Тут пошла ведь славушка великая
580. По всёй орды, по всёй земли, по всёй да селенныи:
Как есть-то есте Марья лебедь белая,
Лебедушка так белая, дочь царская,
А царская там дочка мудреная,

206

- Мудрёна она дочка бессмёртная.
Как на эту на славушку великую
Приезжает тут этот прекрасный царь Иван Окульевич
А со своей со силою великою
А на тот-то да на Киев-град.
Как на ту пору было на то времечко
590. Богатырей тут дома не случилось,
Стольки тут дома да случился
Молодой Михайла По́тык сын Иванович.
Как тут-то ведь Михайлушка сряжается,
А тут-то ведь Михайла снаряжается
Во далечо еще во чисто поле
А драться с той со силою великою.

- Подъехал тут Михайла сын Иванов был,
Прибил он эту силу всю в три́ часу.
Воротился тут Михайлушка домой он во Киев-град,
600. Да тут-то ведь Михайлушка он спать-то лёг.
Как спит он молодец проклаждается,
А над собой невзгодушки не ведаёт:
Опять-то приезжает тот прекраснѣй царь Иван Окульевич –
Больше того он со силою с войском был —
А во тот-то, во тот да во Киев-град.
А начал он тут Марьюшку подсватывать,
А начал он тут Марью подговаривать:
«Да ай же ты, да Марья лебедь белая!
А ты поди-ко Марья, за меня заму́ж,
610. А за царя ты за Ивана да Окульева».
Как начал улещать ю, уговаривать:
«А ты поди, поди за меня заму́ж,
А будешь слыть ты за мной царицею,
А за Михайлом будешь слыть не царицею,
А будешь, станешь слыть портомойница,
У стольнего у князя у Владимира».
Как тут она еще да подумала:
«А что́-то мне-ка слыть портомойницей,
А лучше буде слыть мне царицею,
620. А за тым за Иваном за Окулевым».
Как ино тут она еще на то укидаласи,
Позвалась, пошла за ёго заму́ж.
Как спит-то тут Михайло проклаждается,
А ничего Михайлушка не ведаёт.
А тут-то есть его молода жена,

207

- А тая-то ведь было любима́ семья,
А еще она Марья лебедь белая
Заму́ж пошла за прекрасного царя-то за Окульева.
Поехал тут-то царь в свою сторону.
630. Как от сну богатырь пробуждается,
Молодой Михайла По́тык сын Иванович.
Как тут-то ёго братица приехали –
Старый казак да Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Микитинич,
Как начал он у них тут доспрашивать,
Как начал он у них тут доведывать:
«Да ай же, мои братица крёстовыи,
Крёстовыи вы братица названыи!

- Где-то есть моя молода жена,
640. А тая-та ведь Марья лебедь белая?»
Как тут ёму оны вопроговорят:
«Как слышали от князя от Владимира,
Твоя-то там есте молода жена:
Она была ведь нунечку заму́ж пошла
А за царя-то за Ивана за Окульевича».
Как он на то им ведь ответ держит:
«Ай же, мои братьица крестовьи!
Пойдемте мы, братьица, за им вслед с угоною».
Говорят ему таково слово:
650. «Да ай же ты, наш братец кресто́вый был!
Не честь-то нам, хвала молодцам,
А ехать за чужой женой еше след с угоною.
Кабы ехать нам-то ведь уж след тебя,
Дак ехали бы мы след с угоною.
А едь-ко ты один, добрый молодец,
А едь-ко, ничего да не спрашивай, -
А застанешь ты ведь их на чистом поли,
А отчеки ты там царю да головушку».
Поехал тут Михайла след с угоною,
560. Застал-то ведь уж их на чистом поли.
Как эта́я тут Марья лебедь белая
Увидала тут Михайлушку По́тыка.
Как тут скоро наливала пи́тей она,
А питей наливала да сонных.
Подходит тут к Михайлы да к Потыку:
«Ах молод-то ты, Михайло По́тык сын Иванович!
Меня силом везёт да прекрасный царь Иван Окульевич.

208

- Так выпей-ко ты чару зелена́ вина
С тоски досады со великии».
670. Как тут этот Михайло сын Иванович
Выпивал он чару зелена́ вина,
А по другой да тут душа горит,
Дру́гую-то он выпил, да ведь тре́тью вслед.
Напился тут Михайла он допьяна,
Пал-то на матушку на сыру землю.
Как эта́я тут Марья лебедь белая:
А говорит Ивану таково слово:
«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!
А отсеки Михайлы ты головушку».
680. А говорит Иван тут таково слово:
«Да ах же ты, да Марья лебедь белая!

- Не честь-то мне хвала молодецкая
А сонного-то бить — что мне мертвого,
А лучше он проспится, протверзится,
Дак буду я бить-то его силою,
Силою я войском великим,
А будет молодцу мне тут честь хвала».
Как тут она еще да скорым-скоро
Приказала-то слугам она верным
690. А выкопать что яму глубокою.
Как слуги ей тут да верныи,
Копали оны яму глубокою.
Взимали тут Михайлу под пазухи,
Как бросили Михайлу во сыру землю,
А приказала-то зарыть его в песочки желтыи.
Как ино тут вперед оны поехали —
Оставался тут Михайло на чистом поли.
Как тут-то у Михайлы ведь добрый конь
А побежал ко городу ко Киеву,
700. А прибегал тут конь да во Киев-град,
А начал он тут бегать да по Киеву.
Увидали-то как братья тут крестовыи —
Молодой Добрынюшка Микитинич,
А старый казак тут Илья Муромец —
Сами как говорят промежу собой:
«А нет жива-то братца же крестового,
Крестового-то братца названого,
Молодого Михайлушка По́тыка».
Садилась тут оны на добрых коней,
710. Поехали оны след с угоною.

209

- А едут тут оны по чисту́ полю,
Михайлин еще конь наперёд бежит.
А прибегал на яму на глубокою,
Как начал он тут ржать да копытам-то мять
Во матушку во ту во сыру землю.
Как смотрят эты братьица крестовыи:
«А видно этта братец наш крестовый был,
А молодой Михайло По́тык сын Иванович».
Как тут-то ведь оны да скорым-скоро́
720. Копали эту яму глубокою.
А ён-то там проспался, прохмелился, протверзился,
Вскочил-то тут Михайло на резвы́ ноги,
Как го́ворит Михайло таково слово:
«Ай же, мои братьица крестовыи,

А где-то есте Марья лебедь белая?»
Говорят тут братья таково слово:
А тая-то ведь Марья лебедь белая,
Она-то ведь уж нунечку заму́ж пошла,
А за прекрасного царя да за Окульева».

730. «Поедемте мы, братица, с угоною».
Как говорят оны тут таково слово:
«Не честь-то нам хвала молодецкая,
А ехать нам за бабой след с угоною,
А стыдно нам буде да похабно е.
А едь-ко ты один, добрый молодец,
Застанешь-то ведь их ты на чистом поли,
А ничего больше ты не следуй-ко,
А отсеки царю ты буйну голову,
Возьми к себе ты Марью лебедь белую».

740. Как тут-то он Михайлушка справляется,
Как скоро след с угоной снаряжается.
Застал-то их опять на чистом поли,
А у тех у росстанок у крестовских,
А у того креста Леванидова.
Увидела тая Марья лебедь белая
Молода́ Михайлу тут По́тыка,
Как говорит она таково слово:
«Ай же ты, прекрасный царь Иван Окулев ты!
А не отсек Михайлы буйной головы,
А отсекет Михайла ти головушку».

750. Как тут она опять скорым-скоро
А налила питей еще сонных,
Подносит ли Михайлушке По́тыку,

210

Подносит-то, сама уговариват:
«А как межённый дeнь не может жив-то быть.
Не может жив-то быть да без красного солнышка,
А так я без тебя, молодой Михайла По́тык сын
Иванович, а не могу-то я ни есть, ни пить,
Ни есть, ни пить, не могу больше жива быть,
760. А без тебя, молодой Михайла Потык сын Иванович,
А выпей-ко с тоски нунь с кручинушки,
А выпей-ко ты чару зелена вина».
Как тут-то ведь Михайлушка на то да укидается,
А выпил-то он чару зелена вина,
А выпил, по другой душа горит,
А третью-то он выпил, сам пьян-то стал,

- А пал на матушку на сыру землю.
Как тая-то Марья лебедь белая,
Она говорит-промолвит таково слово:
770. «Прекрасный ты царь Иван Окулевич!
А отсеки Михайлы буйну голову,
Полно тут Михайлы след гоняться».
А говорит тут он таково слово:
«Ай же ты, Марья лебедь белая,
А сонного-то бить — что мне мертвого.
Пусть-ко он проспится, прохмелится, протверзится,
А буду ведь я его бить войском-то,
А рать-то ведь я силушкой великою».
Она ему на то ответ держит:
780. «Прибьет-то ведь силу ту великую».
Опять-то царь на то не слагается,
А поезжат-то царь да вперед опять.
Как этая тут Марья лебедь белая
Взимала тут Михайлушку По́тыка,
Как бросила Михайлу через плечо,
А бросила, сама выговариват:
«А где-то был уда́лой добрый молодец,
А стань-то бел горячий камешок,
А этот камешок пролежи да наверх земли три́ году,
790. А через три́ году пройди-ко он сквозь матушку
сквозь сыру-землю».

Поехали оны тут вперед опять,
А приезжали в эту землю Сарацынскую.
Как познали тут братыца крестовыи, —
Старый казак тут Илья Муромец,

- А молодой Добрынюшка Микитинич, —
А не видать, что братца есть крёстового,
Мо́лода Михайлы По́тык Иванова,
Самы тут говорят промежу́ собой:
«А наб́ искать-то братца нам крестового,
800. А мо́лода Михайлу По́тыка Иванова».
Как справились ёны тут каликамы.
Идут оны путём да дорожкой,
Выходит старичок со сторонушки:
«А здравствуйте-тко, братцы добры молодцы,
А старый казак ты Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Микитинич».
А он-то их знает, да оны́ не знают кто.
«А здравствуй-ко ты еще, дедушко».

- «А бог вам по пути, добрым молодцам,
810. А возьмите-ко вы, братцы, во товарищи,
Во товарищи вы возьмите, в атаманы вы».
Как тут-то оны ведь думу думают,
Самы-то говорят промежу собой:
«Какой-то есть товарищи еще нам-то был,
А гди ёму да гнаться за намы-то!»
«А рады мы ведь, дедушко, товарища».
Пошел рядо́м с има́ тут дедушко,
Пошел рядо́м, еще наперед-то их.
А стали как ёны оставляться бы,
820. Одва-то старичка на виду ёго держать-то.
Как тут пришли в землю в Сарацынскую,
К прекрасному царю да к Ивану Окульеву,
Ко тыи ко Марии Вахрамеёвной.
Как стали тут оны́ да рядо́м еще,
Закрычали тут оны во всю голову:
«Ах же ты, да Марья лебедь белая,
Прекрасный ты царь Иван Окульев был!
А дайте нам злату еще милóстину спасённую»,
Как тут-то в земли Сарацынские
830. Теремы́ во царствии пошаталися,
Хрустальнии оконницы посыпались,
А от того от крику от каличьего.
Как тут она в окошко по поясу бросалася,
А эта-то Марья лебедь белая,
А смотреть-то калик что перехожиих,
А смотрит, что сама воспрогóворит:
«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!

212

- А это не калики, есте русские богатыри:
Старый казак Илья Муромец,
840. Молодой Добрынюшка Микитич-он,
А трéтий я не знаю какой-то е.
Возьми калик к себе, ты корми́, пои».
Взимали тут калик да к себе оны,
Во тую палату во царскую,
Кормили-то, поили калик оны досыти,
А досыти кормили их да допьяна,
А на́дали им злата тут сéребра,
Насы́пали-то им да по по́дсумку.
Как тут оны пошли назад еще добры молодцы,
850. К стольнёму ко городу ко Киеву.
А отошли от царства ровно три́ версты,

- Забыли оны братца крестового
А молода Михайлу По́тыка Иванова.
Как отошли оны, затым вспомнили:
«Зачим-то мы пошли, а не то сделали,
Забыли-то мы братца-то крестового,
Молода Михайлу По́тыка Иванова».
Как тут скоро назад ворочались,
Самы тут говорят таково слово:
860. «Ай же ты, да Марья лебедь белая,
Куда девала ты братца-то крестового,
А молода Михайлушка По́тыка?»
Как тут она по поясу в окошко-то бросалася,
Отвечает-то им таково слово:
«А ваш-то есте братец крестовыйи —
Лежит он у росстанок у крестовских,
А у того креста Леванидова,
А белым горячим камешком».
Как тут оны поклонились, воротились,
870. Как тут пошли путем да дорогою;
Смотрят, ищут братца-то крестового,
Проходят оны братца тут крестового.
Как этака калика перехожая,
А говорит им тут таково слово:
«Ай же вы, да братья все крестовыйи!
Прошли да вы что братца есть крестового,
А молода Михайлу По́тыка Иванова».
Как тут-то воротился старичок-тот был,
Проводит этих братиц крестовых
880. Ко тому горячему ко камешку,

213

- Да говорит тут старичок таково слово:
«А скидывайте-ко вы, братцы, с плеч подсумки,
А кладите вы еще на сыру землю,
А высыпайте вы золото, серебро,
А сыпьте-тко все вы в одно место».
Как высыпали золото они серебро,
А со тых со тых да со подсумков,
А сыпали оны тут в одно место.
Как начал старичок тут живота делить,
890. Делит он на четыре на части бы.
Как тут-то говорят оны таково слово:
«Ай же ты, да дедушко древный был!
А что же ты живот делишь неладно бы?
А на четыре-то части не ровно-то бы?»

- Как говорит старик тут таково слово:
 «А кто-то этот сды́нет камешок,
 А кинет этот камень черёз плечо,
 Тому две кучи да злата сёрёбра».
 А посылат Ильюшенька Добрынюшку
900. А приздынуть тот камешок горючии.
 Скочил-то тут Добрынюшка Микитич-он,
 Хватил он этот камень, сдыну́л его,
 Сдыну́л-то только до колен-то он,
 А больше-то Добрынюшка не мо́г сдынуть.
 А бросил этот камень на сыру землю.
 Подскакивал ведь тут Илья Муромец,
 Сдыну́л он этот камень до пояса,
 Как больше-то Ильюшенька не мог сдынуть.
 Как этот старичок тут подхаживал,
910. А этот-то ён камешок покатывал,
 А сам он камешку выговаривал:
 «А где-то был горючий белый камешок,
 А стань-ко тут уда́лой доброй молодец,
 А молодой Михайло По́тык сын Иванович,
 Подлегчись-ко, Михайлушка, легким-легко!»
 Взимал-то ён да кинул черёз плечо,
 А назади там стал удалый добрый молодец,
 Молодой Михайло По́тык сын Иванович.
 Как тут-то старичок им спроговорит:
920. «Ай же вы, богатыри русьскии!
 А я-то есть Микола Можайский,
 А я вам пособляю за веру-отечество,
 А я-то вам есть русским богатырям».

214

- Да столько оны видли старичка тут бы.
 Как строили оны тут часовенку,
 Тому оны Миколы Можайскому,
 Как тут этот Михайло сын Иванович
 А говорит-то им таково слово:
 «Ах же мои братьица крестовьи!»
930. А где-то есть моя молода жена,
 А тая-та Марья лебедь белая?»
 Как говорят оны таково слово:
 «Твоя-то еще есть молода жена
 Замуж пошла за царя Ивана за Окульева».
 Как говорит он им таково слово:
 «Пойдемте-ко мы, братцы, след угоною».
 Как говорят оны таково слово:

- «Не честь-то нам хвала молодецкая
Итти нам за чужой-то женой ведь за бабою,
940. Как мы-то за тобой, доброй молодец,
Идем-то мы да след-то с угоною,
Поди-тко ты один, доброй молодец,
А ничего не следуй-ко, не спрашивай,
Отсеки царю ты буйну голову,
Тут возьми ты Марью лебедь белую».
Как скоро шел Михайло-он По́тык-тот,
А проходил в землю Сарацынскую:
Идет-то он к палаты ко царскии.
950. Увидла тая Марья лебедь белая,
Как налила питей она сонных
В тую эту чару зеленá вина,
Сама тут говорит таково слово:
«Прекрасный ты царь Иван Окульев был,
А не отсек Михайлы буйной головы,
А он-то нонь Михайлушка живой-то стал».
Как тут она подходит близёшенько,
А клонится Михайлы понизёшенько:
«Ах ты, молодой Михайло По́тык сын Иванович!
Сило́м увез прекрасный царь Иван Окульевич.
960. Как нунечку еще было топеречку
Меженный день не может жив-то быть
А без того без красного без солнышка,
А так я без тебя, молодой Михайло По́тык сын Иванович,
А не могу-то я да ведь жива быть,
А жива быть, не могу-то есть ни пить.
Топерь твои уста были печальнии,

215

- А ты-то ведь в великой во кручинушки,
А выпей-ко с тоски ты со досадушки,
А нунечку как чару зеленá вина».
970. Как выпил-то он чару, по другой душа горит,
А дру́гу выпил, еще третью след.
Напился тут Михайлушка допьяна,
Пал он тут на матушку на сыру́ землю.
Как эта тут Марья лебедь белая,
А говорит промолвит таково слово:
«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!
А отсеки Михайлы буйну голову».
А говорит-то царь таково слово:
980. «Да ай же ты, да Марья лебедь белая!
Не честь-то мне хвала молодецкая

- А бить-то мне-ка сонного, что мертвого,
 А лучше пусть проспится, прохмелится, протверзится,
 А буду бить его я ведь войском тым,
 А силушкой своёй я великою.
 Как я ёго побью, а мне-ка будет дут честь-хвала
 По всёй орды еще да селеннии».
- Как тут эта Марья лебедь белая
 Бежала ведь как скоро в кузницу,
 Сквала тут ёна да ведь пять гвоздов,
 990. Взимала она молот три пуда тут.
 Хватила тут Михайлу как под па́зухи,
 Стащила что к стены-то городóвыи,
 Распялила Михайлу она на стену,
 Забила ёму в ногу да гвоздь она,
 А в дру́ую забила другой она,
 А в руку-то забила ёна́, в дру́у так,
 А пятой-от гвозд ёна обронила-то.
 Как тут она да еще Михайлушку
 Ударила ведь молотом в бело́ лицо,
 1000. Облился-то он кровью тут горячею.
 Как ино тут у того прекрасного царя Ивана да Окульева
 А было-то сестрица да ро́дная,
 А та эта Настасья Окульевна.
 Пошла она гулять тут по городу,
 Приходит ко стены ко городовыи,
 А смотрит: тут задёрнута черна́я за́веса,
 Завешан тут Михайлушка По́тык-он.
 Как тут она ведь за́весы отдёрнула,
 А смотрит на Михайлушку По́тыка.
1010. Как тут он прохмелился добрый молодец,
 Как тут она ему воспрого́ворит:
 Молодой Михайло По́тык сын Иванович!
 Возьмешь ли ты меня за тебя́ замуж?
 А я бы тебя да избавила а от тьи от смерти безнапрасныи».
- «Да ай же ты, Настасья Окульевна!
 А я тебя возьму за себя замуж».
- А клал-то ён тут заповедь великую.
 Как тут этая Настасья тут Окульевна
1020. Скорым-скоро́ бежала в кузницу,
 Взимала она кле́щи там железныи,
 Отдирала от стены городóвыи
 А молода Михайлушку По́тыка,
 Взимала там она с тюрмы грешника,

- На месте да прибила на стену городовую,
Где висел Михайлушка По́тык тот,
А утащила тут Мухайлушку По́тыка
В особой-то покой да потайныи.
Как взяла о́на на́добей здравых,
1030. Скоры́м-скоро́ излечила тут Михайлушку,
Сама тут говорит таково слово:
«Ай же ты, Михайла сын Иванов был!
А наб-то те́би латы и кольчуги нунь,
А наб-то те́би сабля-та вострая,
А палица еще богаты́рская,
А наб-то тебе да добра́ коня?»
«Ай же ты, Настасья Окульевна!
А надо, нужно, мне-ка-ва надо ведь».
Как тут она да скоры́м-скоро́-скорешенько
1040. Приходит да ко ро́дному братцу-то:
«Ай же ты, мой братец родимый,
Прекрасный ты царь Иван Окульевич!
А я-то, красна девушка, нездрава е.
Ночесь мне во́ сне-ви́деньи казалось ли,
Как дал ты уж мне бы добра́ коня,
А латы-ты уж мне-ка, кольчуги-ты,
А палицу еще богатырскую,
Саблю да, во-третьих, вострую,
Да здра́ва-то бы стала красна девушка».
1050. Как он ей давал латы еще да кольчуги-ты,
А палицу еще́ богатырскую,

217

- Давает, в-третьих, саблю-ту вострую,
Давал он ей еще тут добра коня,
Доброго коня богатырского.
Как тут она сокрутилась, обладилась,
Обседлала коня богатырского,
Как отъезжала тут она на чисто́ поле,
Говорила-то Михайлу́шки По́тыку,
Как говорила там она ему впотай еще:
1060. «Приди-ко ты, Михайла, на чисто́ поле,
А дам я тебе тут добра́ коня,
А дам тебе латы, кольчуги вси,
А палицу еще богатырскую,
А саблю еще дам я ти вострую».
А отходил Михайла на чисто́ поле,
А приезжат Настасья-то Окульевна
На тоё на то на чисто́ поле,

- А ко тому Михайлушки к По́тыку,
 А подават скоро ему тут добра́ коня,
 1070. Палицу свою богатырскую,
 А латы-ты, кольчуги богатырские,
 А саблю-ту еще она вострую;
 Сокрутился тут Михайлушка богатырем.
 Как тут эта Настасья Окульевна
 Бежала-то она назад домой скорым-скоро́,
 Приходит-то ко родному братцу-то:
 «Благодарим тебѣя, братец мой родимый!
 А дал-то ведь как ты мне добра́ коня,
 А палицу ты мни богатырскую,
 1080. А саблю ты мне-ка да вострую,
 А съездила я ведь прогуляласе,
 Стала здрава я ведь нуньчу красна девушка».
 Сама она подвы́стала на печку тут.
 Как едет молодой Михайла По́тык сын Иванович,
 Как на тоём на том добром кони.
 Увидала тая Марья лебедь белая,
 Как ино тут подъезжат Михайло сын Иванович
 Ко тьи палаты ко царские;
 Как говорит-то Марья лебедь белая:
 1090. «Прекрасный ты царь Ива́н Окульевич!
 Сгубила нас сестра твоя родная,
 А та эта Настасья Окульевна».
 Как тут эта Настасья Окульевна
 Скоро она с печки опускаласе.
- 218
- Как тая эта Марья лебедь белая
 А налила питей опять сонных,
 А налила она тут, подходит-то
 А ко тому Михайлушке По́тыку:
 «Ах, молодой Михайло По́тык сын Иванович!
 1100. Топерь-то нуньчу, нуньчу топеречку,
 Не может-то меже́нный день а жить-то быть,
 А жить-то быть без красного без солнышка,
 А так я без тебя, а молодой Михайло сын Иванович,
 Не могу-то я ведь жи́ва быть,
 Не есть, не пить, не жи́ва быть.
 Как топерь твои уста нунь печальнии,
 Печальнии уста да кручинии,
 А выпей-ко ты чару зелена́ вина
 Со тьи тоски со досадушки,
 1110. А со досады с той со великии».

А просит-то она во слёза́х ёго,
А во тых во слёзах во великих.
Как тут-то ведь Михайлушко По́тык он
Занёс-то он праву руку за чару-то,
Как тут эта Настасья Окульевна
А толкну́ла ёна ёго под руку,
Улетела тая чара далечехонько.
Как тут молодой Михайло По́тык сын Иванович
Наперед отсек-то Марьи буйну голову,
1120. Потом отсек царю да прекрасному Ивану Окульеву.
А только-то ведь им тут славы́ поют,
А придал-то он им да горькую смерть.
Как скоро взял Настасью Окульевну,
А взял он, взял ведь ю за себя замуж;
Пошли оны во церковь во божию,
Как приняли оны тут златы венци.
Прида́лся тут Миха́йлушка на царство-то
А стал-то тут Михайлушка царить-то жить,
А лучше-то он старого да лучше прежнего.